

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Оформление *С. Груздева*

Рой, Олег.

Р65 Фантомная боль : [роман] / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-83133-3 (КиСС)

Представьте: после смерти, на пути в небытие вам предоставляют шанс вернуться в жизнь и прожить еще тридцать лет и три года. Но есть одно условие — нужно исправить фатальную ошибку. Какую — не говорят. Предлагают вспомнить самому. Отличная возможность, не правда ли? Соглашается на нее и Алексей. Да только, чтобы вспомнить свою ошибку, ему приходится примерить на себя судьбы троих человек, погибших одновременно, узнать в одной из них свою и переиграть прошлое. Задача каверзная, полная искушений, и ответственность колоссальная. Вдруг возьмешь на себя крест больший, чем был у тебя до этого?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83133-3 (КиСС)

© Резепкин О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

*Если видишь того, кто не знает и не знает,
что он не знает, — это глупец. Беги от него.*

*Если видишь того, кто не знает и знает,
что он не знает, — это путник. Научи его.*

*Если видишь того, кто знает и не знает,
что он знает, — это спящий. Разбуди его.*

*Если видишь того, кто знает и знает,
что он знает, — это мудрец. Учись у него.*

Пролог

Реку, пока еще спокойно несущую свои воды к океану, уже сжимали в стальных объятиях сизые грозовые тучи. Набережная постепенно пустела, но люди еще сновали туда-сюда, пропадали в темных лабиринтах городского муравейника, оставляя за собой едва различимые следы. Не столько отпечатки ступней, сколько отголоски душевных движений: темные мысли, раздражение, недовольство — следы собственной тьмы, отравляющей тот самый мир, который питает каждого и дает силы.

Человек наделен разумом и душой, где плещут хрустальные родники, распускаются сказочные цветы и поют волшебные птицы. То есть могли бы плескаться, цвести и петь. Но нет. Человек забывает этот чистый источник тоннами мусора: пустыми обидами, гневом, бессмысленным страхом... даже перечислять отвратительно, словно само перечисление добавляет в поток жизни еще один ручеек яда.

Ведь и для Вселенной важен каждый человек. Потеря любого отдается болью. Как болит у человека ампутированная нога. Ноги нет, а боль, хоть и называют ее фантомной, абсолютно реальна. И столь же реально болит у Вселенной каждая мертвая душа. Мертвая? Или только впавшая в летаргию?

■ ЧАСТЬ 1

Глава 1

Выстрел.

Выстрел? Звук странный: резкий, но глухой и мягкий, как будто тяжелый камень плюхнулся в грязь. Почему я думаю, что это выстрел?

Ничего не вижу. Перед глазами тьма. Точно застилающий все полог. Этот полог словно колеблется, мне кажется, что я вижу проступающие из тьмы смутные фигуры. Неясные серые тени. Люди? Пытаюсь напрячься, чтобы рассмотреть их, но силуэты все так же туманны.

Гул. В ушах (есть ли у меня уши? Впрочем, чем-то же я слышу) стоит непрерывный грохочущий гул.

Это от выстрела? Кто-то стрелял рядом со мной? Или — в меня?

Происходит что-то непонятное. Я слышу звук выстрела (если это был выстрел) снова и снова. И в то же время точно знаю: стреляли только один раз.

Продолжаю говорить «я», но кто я? Где нахожусь? Что вокруг?

Я — человек. Это я чувствую, знаю, понимаю. И ничего больше.

Олег Рой

Кажется, еще мгновение назад мое сознание было ясным, я знал, кто я, осознавал себя и окружающее. Это было на самом деле или это кажется? Сейчас вокруг меня туманная мгlistая тьма, наполненная грохочущим гулом.

Нет, не вокруг. Все это только в моей голове, это не реальность, это воображение.

Мне страшно.

Я потерял чувство времени. Время застыло. Мне кажется, что я нахожусь в бесконечно длящемся мгновении выстрела. Пуля еще не достигла цели. Хотя я не вижу ни пули, ни цели. Вообще ничего, кроме звенящей темноты.

Пытаюсь понять, где я, напрягаю слух. Ничего. Звенящая тишина, как будто весь мир умер. Только в моей голове стоит все тот же гул. Разве так может быть? Я схожу с ума. Разве можно одновременно слышать тишину вокруг и грохот внутри своей головы? Нельзя. Но я — слышу.

Гул нарастает, делается громче, громче, еще громче. Грохочущим гулом наполнена уже вся голова, кажется, она сейчас взорвется. Громко! Слишком громко! Помогите!

Мгновенная, огненная, разрывающая грудь боль — и тишина. Тягучая, мягкая, абсолютная. Блаженная сладостная нега. А-а-а!

Удар! Или вспышка? Не вижу. Не слышу. Чувствую огненное острие, пробившее меня (сердце? живот? солнечное сплетение?) насквозь. Рассыпаюсь на куски. Тело скручивает судорогой, словно от сильнейшего электрического разряда. Судорога

повторяет биение пульса, пульсирует каждый миллиметр, каждая клеточка тела.

Передо мной вдруг появляется человеческая фигура. Лица не видно, но откуда-то я точно знаю: это — я сам. Стою и смотрю на себя. Боль по-прежнему заполняет тело — мое или то, на которое я смотрю? Она не усиливается, не нарастает, но и не прекращается, даже не ослабевает. Я слился с этой болью, мы с ней — одно целое, мы пульсируем вместе, в такт бешеному ритму сердца, которое, кажется, сейчас выпрыгнет из заполненной болью груди. Мысленно пытаюсь сосчитать пульс, но сбиваюсь — слишком быстро, слишком часто. Еще сильнее. Еще быстрее...

Вспышка!

Я ее не вижу: этот огонь вспыхивает внутри меня. Вспыхивает лишь на миг и тут же гаснет. И с ним гаснет вся боль, резко, мгновенно, точно повинуясь щелчку неведомого выключателя. И сразу кажется, что никакой боли никогда и не было. Внутри — пустота, словно из тела вынули все, кроме сердца. Я — призрак. Призрак с бьющимся сердцем. Биение все медленнее: тук-тук-тук, тук-тук, тук...

...Открываю глаза. Да, у меня вновь есть глаза, их можно открыть, они видят. Вокруг небо. Ничего, кроме неба. Нежная голубизна, оживляемая еще более нежным пухом облаков — совсем рядом, на расстоянии выдоха. Дальше — другие облака, и еще дальше. Они непрерывно меняются, их движения неуловимы, но явственны. Их бесконечно много в столь же бесконечной лазури. Она везде, земля осталась где-то внизу, в тысячах километров.

Мое тело легче воздушного шара, легче облаков, я стремлюсь выше, выше, выше. Куда? Когда это закончится? И существует ли это «куда» и «когда»?

Кажется, ко мне начинает возвращаться сознание. Я чувствую себя летящим в этом бесконечном небе, но я не сливаюсь с ним, я не облако. У облаков нет сердца, а у меня есть — я опять чувствую его торопливое неровное биение. Возвращается страх. Значит, я — человек? Только человек может бояться беспричинно, не видя угрозы. Человек. Мужчина? Женщина? Старик? Ребенок? Кто я? Где моя жизнь? Ничего не помню — только звук выстрела. И вокруг — белые... уже не облака — стены. Коридор. Не понимаю: был ли полет, было ли небо, облака, легкость, стремление ввысь — или все лишь пригрезилось?

Что со мной? Сон? Сеанс у гипнотизера?

Существую ли я вообще? Существует ли реальность?

Если зажмуриться и резко открыть глаза... Зажмуриваюсь. Сердце выстукивает: спа-си, спа-си, спа-си... Спаси меня!

Внезапно все резко меняется. Это уже не сон, не греза, определенно нет. Я стою перед входом в длинный тоннель. Стою на собственных ногах. У меня снова есть тело, ко мне вернулись обычные человеческие чувства: я вижу, слышу, обоняю, осязаю. Существую. Как будто проснулся. Вернулся из грез в реальность. Реальность незнакомая, я никогда в жизни такого не видел, но, кажется, понимаю, где я. Пока только чувствами, не словами.

Белостенный коридор уходит вдаль, он кажется бесконечным, но мне нужно идти именно туда, в глубину бесконечного

белого тоннеля, это единственный путь. Я точно это знаю, это аксиома, абсолют, в котором невозможно сомневаться.

Шаг. Еще шаг. Еще десять. Или сто? Или тысяча? Сбиваюсь со счета. Пытаюсь превратить чувства в слова. Ведь я знаю, знаю, где нахожусь. Я должен вспомнить! Бесконечный коридор ведет... на Страшный суд? В ад? Я шагаю все быстрее и быстрее, почти бегу. Это страшно, что-то внутри меня не хочет идти вперед, не пускает, но тело двигается как будто само, как будто подчиненное какому-то высшему порядку.

Темно. Темно вокруг, или это потемнело в глазах? Ноздри заполняет резкий запах сырости, затхлости, гнили, точно в заброшенном подвале. Или это все тот же тоннель? В голове бьется та же мысль: спаси меня, спаси меня, спаси меня. К кому я обращаюсь? К самому себе? Или?

Впереди — какие-то ритмичные светлые отблески. Еще несколько мгновений, несколько шагов — и отблески превращаются в фотографии, бесконечные ряды человеческих лиц. Кажется, именно они заполняют это затхлое сырое подземелье слабым призрачным светом, других источников здесь нет. Светятся — или кажется, что светятся, — лица на фотографиях. Я шагаю и шагаю, стараясь не глядеть на эти бледные пятна с пустыми, как у призраков, глазами. Быть может, я боюсь кого-то узнать в этой бесконечной череде? Увидеть тень прошлого? Или боюсь увидеть, что я сам — такая же тень, такое же бледное пятно? Или боюсь, что вся бесконечная череда состоит из моих собственных лиц? Нет! Не хочу!

Олег Рой

Меня — то, что я считаю своим телом, — подхватывает нежный, невыразимо приятный ветер. Подчиняясь взмахам его крыльев, исчезает бесконечная череда фотографий, пропадает запах сырости и гнили. Дальше, дальше, дальше от затхлого подземелья! Это необыкновенный ветер! Несущий меня вихрь состоит не из воздуха — из множества звуков. Обрывки сказочно прекрасных мелодий, крики ужаса, стоны любви... Я должен связать эти обрывки воедино — это единственное, что действительно необходимо сделать, я обязан с этим справиться... Но как? Я не могу шевельнуться, я не чувствую ни рук, ни ног, ни даже биения сердца! Но я должен, должен собрать разрозненное и соединить расколотое!

* * *

— Хм. Сегодня вообще-то суббота. Выходной день, знаешь ли. А тут ты. — Голос звучал одновременно и весело, и слегка укоризненно.

— Если вы по выходным не работаете, — огрызнулся я, — могли бы оставить меня там еще дня на два.

Ответил я так, наверное, от растерянности. Вряд ли стоило разговаривать так с... с кем, кстати? С некоей Высшей Силой, да? Никаких других вариантов в голову не приходило. Нас всех готовят именно к этому. Ты умираешь, и там (где, кстати, «там»?) тебя ждет некий Он. Пастырь, для которого важна каждая овечка, даже заблудшая. Всезнающий и всемогущий. Как же! Ждут! Выходной у них, видите ли! Так попросту, спасибо хоть не обеден-

ный перерыв. Вот и я по-простецки огрызнулся. Принял предложенный тон. Всегда легче следовать предложенному сценарию, чем заводить собственную мелодию.

Голос, однако, вопреки ожиданиям на мою явную грубость не отреагировал:

— И что бы тебе дали еще два дня? — В реплике не слышалось ни малейшего намека на досаду, гнев или хотя бы раздражение. Даже особого интереса — и то не было. Так безразлично спрашивают: «Вам еще чаю?»

— Я мог бы многое изменить. — У меня не было ни единого воспоминания и потому ни малейшего представления о том, что, собственно, можно и нужно было изменить, но я решил и дальше гнуть свою линию, что ж теперь оправдываться, отказываться. — Может, мы бы тогда с вами вообще не встретились.

— Ну... — Если у этого Голоса есть лицо или если бы у Него было лицо, я мог бы поклясться, что он улыбается, ведь выражение лица отражается на интонации не хуже, чем в зеркале. — В конце концов мы все равно бы встретились. Ты же не станешь спорить с неизбежностью?

— Угу, — буркнул я, подумав, что этот самый Голос просто издевается. — Но как-то приятнее позже, чем раньше.

По правде говоря, я чувствовал себя полным идиотом. К самой встрече с Ним я уже худо-бедно был готов: чего еще можно было ждать после всех этих полетов, белых коридоров и прочих мистических видений? Но вот происходила эта встреча как-то совершенно неправильно. В книгах и фильмах подобная ситуация всегда пре-

подносилась как нечто уникальное. Обе стороны произносили возвышенные, исполненные колоссального духовного смысла фразы. Разговор на грани пафоса, никак иначе. А я? Стою посреди белой комнаты — не то призывник на медкомиссии, не то пациент в приемной психиатра — и ничего умнее «угу» выдавить из себя не в состоянии. То ли я непроходимо глуп и невежествен, то ли кино и литература — сплошь фантазии, высосанные из пальца на потребу извечно человеческому «хлеба и зрелищ».

Странно, однако мысль о том, что я могу находиться на настоящем приеме у настоящего психиатра (никаких умираний, просто слегка свихнулся и голова моя полна глюками), эту мысль я всерьез не воспринимал. Нет. Я мог сколько угодно размышлять, рисовать себе логически обоснованные картинки, но все это не имело никакого значения. Я просто знал, что происходящее — реальность. Так же, как человек, которому приснилось, что у него вырос хвост, даже во сне удивляется, потому что даже во сне знает: хвоста у него нет.

Вот и я — знал, что все на самом деле. И зачем я сдуру огрызаться начал? Как последний идиот. Нет бы что-то умное придумать.

— Да не переживай ты, — миролюбиво посоветовал Голос, словно отвечая на мой сумбурный внутренний монолог. Впрочем, почему «словно»? Скорее всего, он действительно в курсе моих, как бы это помягче, борений. — Ты вовсе не идиот. Более того, твоя растерянность очень обыкновенна. Тут все такие. И даже еще более того. Скажу тебе, большинство еще хуже. Ты-то как

раз производишь впечатление вполне разумного существа: говоришь связно, рассуждаешь, даже понимаешь что-то. Крохи, конечно, но как минимум ты можешь больше, чем основная масса тех, кто попадал ко мне «на прием».

Последние слова Голос произнес нарочито четко, так что я слегка устыдился. Все же не стоило называть это место — чем бы оно ни было — приемной психиатра. Как минимум невежливо. Не говоря уж о том, что, скорее всего, опасно.

— Извините, — невнятно пробурчал я, мечтая провалиться сквозь зем... да уж! просто провалиться на месте.

— Вот этого не советовал бы. Там, внизу, тебя точно не ждет ничего хорошего, — сообщил Голос все с той же безразличной интонацией, с какой сообщают, что осенью часто идет дождь.

«Да, — сделал я очевидный вывод, — мои мысли для Него столь же ясны, как и мои слова». Но все же не удержался от вопроса:

— А здесь — ждет?

— Если бы ты дал мне договорить, а не отвлекал непрерывно своими мыслями...

И опять ни гнева, ни раздражения, одно бесконечно равнодушное спокойствие. Но мне почему-то опять стало стыдно. Даже странно. Конечно, в меня сызмальства вдалбливали, что перебивать собеседника нехорошо, но мало ли что бывает «нехорошо». Лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал, так вроде бы? Сколько-нибудь всерьез стыдиться я перестал, кажется, еще в детском саду.